

Топоров В. Н. Проза М. Н. Муравьева // Топоров В. Н. Из истории русской литературы. Т. II : Русская литература второй половины XVIII века : исследования, материалы, публикации. М. Н. Муравьев: Введение в творческое наследие. Кн. I. М., 2001. [Топоров В. Н. Proza M. N. Murav'eva // Toporov V. N. Iz istorii ruskoj literatury. T. II : Russkaja literatura vtoroj poloviny XVIII veka : issledovanija, materialy, publikacii. M. N. Murav'ev: Vvedenie v tvorcheskoe nasledie. Kn. I. M., 2001.]

Статья поступила в редакцию 23.06.2015 г.

УДК 821.161.1 Решетников: 316.346.2-055.2 +
+ 821.161.1 Левитов: 316.346.2-055.2

А. В. Кубасов

ГЕНДЕРНАЯ ПРОБЛЕМА В НАРОДНИЧЕСКОМ ИЗВОДЕ: Ф. М. РЕШЕТНИКОВ И А. И. ЛЕВИТОВ

В статье рассматривается своеобразие представлений писателей-народников о роли и месте женщины в обществе на примере сравнительного анализа двух произведений. Определяются социокультурные роли героинь Ф. М. Решетникова и А. И. Левитова в свете региональной специфики. Героиня очерка А. И. Левитова представлена как праведница, хранительница народных песенных традиций, вписанная в идиллический хронотоп уездного степного городка. Героиня рассказа Ф. М. Решетникова является собой другой женский тип, который отражает процесс первоначального становления буржуазных отношений в Уральском регионе.

К л ю ч е в ы е с л о в а: русская литература 1860-х гг.; история социализации русских женщин; Ф. М. Решетников; А. И. Левитов.

Понятие «гендер», конечно, принадлежит веку XX, а не XIX, тем не менее, обращаясь к диахронному аспекту любой сложной социальной проблемы, можно увидеть, как она подготавливалась и вызревала в течение достаточно длительного промежутка времени. В позапрошлом веке велись жаркие дебаты в разных формах и жанрах по поводу «женского вопроса», эмансипации женщин. Н. Н. Страхов еще в 1870 г., полемизируя с западноевропейским подходом к проблеме, писал: «При том постоянном возбуждении умов, которое производится у нас авторитетом и влиянием запада, женский вопрос имеет у нас неизбежное и в известном смысле законное существование. Лишить этот вопрос его фантастических форм, как-нибудь сблизить его с действительностью, откинуть бессодержательные, напыщенные декламации и свести дело к действительным надобностям и к возможным средствам для их удовлетворения — вот настоящая цель для наших новаторов и прогрессистов» [Страхов]. Во второй половине XIX в. участниками «большого диалога», возникшего вокруг «женского вопроса», становятся женщины-писательницы, раскрывающие гендерные проблемы изнутри женского сознания. Это такие авторы, как Л. И. Веселитская-Микулич, А. А. Вербицкая, Ю. Жадовская, Н. Д. Хвоцинская [см.: Пензина]. Одна из страниц отечественной истории гендерной проблемы — женские образы, связанные

с российской географической периферией, региональными особенностями жизни. С этой точки зрения интерес представляют два произведения.

Очерк А. И. Левитова «Бабушка Маслиха (Степные нравы)» (1864) и очерк Ф. М. Решетникова «Тетушка Опарина» (1868) опубликованы с промежутком в четыре года. При этом можно с достаточно большой вероятностью предположить, что Ф. М. Решетников не просто позже опубликовал свою «Тетушку Опарину», но и учитывал опыт своего предшественника. Уральский писатель наверняка внимательно читал выпуски «Современника» за 1864 г.: в том году в журнале Н. А. Некрасова были опубликованы три его произведения: «Подлиповцы», «Макся» и «Ставленник». Причем последний рассказ Ф. М. Решетникова был напечатан в одном номере журнала с анализируемым очерком А. И. Левитова. Два сравниваемых произведения близки по проблематике и предмету изображения.

Смысловое ядро очерка А. И. Левитова передает подзаголовок: «степные нравы». Он определяет не только географический ареал, где происходит действие, но и «кормящий ландшафт» (выражение Л. Н. Гумилева), важный для формирования того или иного типа менталитета. В центре внимания Ф. М. Решетникова будет уральский тип, предопределенный другими факторами.

В очерке А. И. Левитова создается идиллический хронотоп, отнесенный в условное прошлое уездного степного городка, который освящен жизнью праведницы, бабушки Маслихи. Идилличность связана не только с характером героини, но и с образом детей, окружающих ее, их ангельским чином. Однако важнейшим фактором идилличности в произведении Левитова является характер отношения автора ко времени и пространству. М. М. Бахтин отмечал отличительные ее особенности: «Идиллическая жизнь и ее события неотделимы от этого конкретного пространственного уголка, где жили отцы и деды, будут жить дети и внуки» [Бахтин, с. 374]. Бабушка Маслиха неотделима от своего «пространственного уголка», в полной мере выражает его ценности и проблемы. Мера прикрепленности к земле героини Ф. М. Решетникова ниже, чем у героини А. И. Левитова, она занимает лиминальное, пороговое положение между городом и селом, это одна из причин, не позволяющая увидеть в очерке уральского автора даже элементов идиллического хронотопа.

Героинь А. И. Левитова и Ф. М. Решетникова многое объединяет. Обе вдовы и одиночки. Обе пользуются авторитетом у жителей своего места. Обе торговки. Но это основное их занятие, так сказать, «ради хлеба», «pro pane». Есть у героинь и другая деятельность, которой они занимаются по своей склонности и личностной расположенности. Бабушку Маслиху можно признать стихийным педагогом, защитником учащихся. Героиня очерка Ф. М. Решетникова, тетушка Опарина, — «местная лекарка», хотя может всё: «Чем же она занимается? — Всем. Что ни захочешь — всем!... Што ни вздумай — это она... Вот она какая!..» [Решетников, с. 162].

Важен возраст героинь. В обоих произведениях он точно не зафиксирован. Очевидно, что «тетушка» Опарина моложе «бабушки» Маслихи, однако, несмотря на возрастную разницу, обе они оказываются за той чертой, которая меняет

их статус, позволяет заниматься тем, что для других женщин недопустимо. Антрополог Г. И. Кабакова пишет в этой связи: «С того момента, как женщина считается бесплодной, “вышедшей из возраста”, она более не участвует в борьбе с себе подобными, “остывает” и становится “чистой”; теперь она может помогать другим: принимать роды, лечить больных, готовить мертвых в последний путь. Расставшись с ролью матери, она символически становится всеобщей Матерью» [Кабакова, с. 285]. Символическая роль «всеобщей Матери» особенно внятно заявлена в очерке А. И. Левитова. Усиливает символическое начало и то, что обе героини не показаны в роли реальных матерей.

В заголовке очерка «Бабушка Маслиха», в самой форме номинации заглавной героини звучит «общее мнение», глас народа. Прозвище свидетельствует в данном случае о короткой дистанции между рассказчиком и субъектом его рассказа, а также между народом и героиней. Статус героини обозначен в первых фразах очерка: «Ни разу не слыхал я, чтобы кто-нибудь пел так хорошо, как певала в старину бабушка Маслиха. И хлеба тоже во всем нашем городке ни одна торговка лучше ее не пекла» [Левитов, с. 301]. Намечено время — давно-прошедшее, придающее повествованию характер предания, определены приоритеты народного восприятия личности Маслихи — певунья, стряпуха, торговка. Этнографизм очерка Левитова проявляется, в частности, в том, что в него вошли песни Маслихи: одни из них даны в форме прямой речи, другие — в форме речи косвенной. Такова, например, песня быков, принадлежащих чумакам.

Миссию автора и связанного с ним рассказчика передают слова: «С каждым днем все пуще и пуще забывает степь свои старинные песни и сказки. Ныне разве только в светлой хоромине старообрядца можно услышать те псалмы, которыми некогда Маслиха будила наш город» [Там же, с. 302]. Сохранение «уходящей природы» и связанной с ней культуры является главной задачей автора и близкого ему по духу рассказчика. Старым песням он противопоставляет новые:

Да! совсем другое ныне поется в степи. Поповская семья поет ныне Некрасова и Кольцова, приводит в неизъяснимый восторг своих уличных слушателей церковными молитвами Львова и Боргнянского, а тогда, когда жила бабушка Маслиха, ничего такого мы — степняки — одним ухом даже не слыхивали [Там же, с. 303].

В песнях, считает Левитов, выражается миропонимание и мироотношение героини. Все свои действия она, как правило, сопровождает песней, начиная с самого утра:

Перемерли старые люди в степи, переменялись разговоры, пошли другие и песни, так что от бабушки Маслихи я уже от последней слышал, как она начинала свой многотрудный день какую-то полупесней, полумолитвой:

Жертву Богу приношу,
Благодати я прошу.
Господи, помилуй создание твое! [Там же, с. 304].

Глубокая вера в Бога — главная черта бабушки Маслихи. Ее песни — это свободное переложение псалмов. Свободная рифмовка позволяет героине вносить

элемент импровизации в исполняемую песню. Рассказчик очерка А. И. Левитова наделен функциями, сближающими его с безличным повествователем. Главная из них — всеведенье, связанное с вневременностью, кроме того, рассказчик предстает не как фигура, а как голос с набором определенных интонаций. Форма повествования от первого лица призвана «утеплить» образ героини, придать рассказу о ней характер свидетельства очевидца:

Словно бы, говорю, не шла Маслиха, а плыла, и в это длинное плаванье, которое совершала она от своей избушки, как-то пугливо, совершенно по-сиротски прилепившейся на самом краю города, до рынка, она преимущественно любила петь длинную старинную псалму, начинавшуюся так:

Ужаснися, человеце!
И слезися своим сердцем,
Потерял себя ты ныне
Во гресех своих [Левитов, с. 305].

Мало того, что Маслиха торговка, она еще и талантливая актриса. Недаром в тексте приводится свидетельство ребенка, который характеризует ее пение непривычным для современного уха контекстным окружением слова «играет»:

Бывало, только что заслышит утреннюю зарей в какой-нибудь мещанской хоромине спящий ребенок, как идет Маслиха и поет, сейчас же принимается будить мать: «Маменька! Встань-ка; пусти меня изблизи поглядеть, как бабушка Маслиха песни про Страшный суд играет...» [Там же, с. 306].

Третья глава очерка передает картину пребывания Маслихи на рынке, где она не только продает свой немудрящий товар, но попутно проводит еще и «воспитательную работу» среди покупателей: взывает к совести пьяного, стыдит мальчишку из лавки, который, подражая взрослым, пытается иронизировать над старухой:

Чудаки эти ребятишки, — улыбаясь, говорит про себя Маслиха. — Прибей их за баловство, так они назолю тебе другую штуку какую-нибудь самую хитрую выкинут; ну, а ежели за это же самое баловство приласкаешь их как-нибудь умненько, так они краснеть примутся, стыдиться... Примечала я и над своими и над чужими ребятенками, что лаской-то с ними лучше обходиться — послушнее они тогда делаются... [Там же, с. 311].

Сладкоголосие здесь двойное: и героини, и сочувствующего, интонационно резонирующего ей рассказчика.

Героями, прочно вошедшими литературу 60-х гг. XIX в., стали дьячковские дети. В очерке они именуется «кутейничками», как бы со слов самой Маслихи (форма рассеянного разноречия, по М. М. Бахтину). У Левитова это самые большие страдальцы, которые могут рассчитывать на помощь лишь таких людей, как Маслиха:

...кутейнички, шершавые, в синих, из домашнего толстого сукна халатах, угреватые, босые, в золотушных и чесоточных струпьях все, тут-то вопиют к Маслихе, окруживши ее изможденною, голодающею стаей.

— Бабушка! Дай хлеба в долг, тятенька письмо пишет, что скоро приедет, так отдаст тогда все сполна, — пристают пуще всех истерзанные дьячковские дети. — Смерть, бабушка, есть хочется, хлеб у нас на исходе теперь, так старшой запер его к себе в сундук, а нам не дает...

— Нет ли у тебя, бабенка, лекарица какого-нибудь, — говорит шаловливый хорошенький мальчик, попов сын. — Глянь-ка, милая бабенка, как исполосовали меня. Вся, говорят, спина-то в синих кровяных рубцах... [Левитов, с. 312].

Конца у очерка фактически нет, а тот, что есть, в достаточной мере факультативен, с той же вероятностью он мог быть и продолжен. Структурно произведение строится на принципе кумуляции, нанизывании ряда эпизодов, не связанных между собой причинно-следственными отношениями. В основе эпизодов лежит варьирование бинарной оппозиции: Маслиха и дети, Маслиха и мужики, Маслиха и дьячковские дети. Показательно, что нет эпизода, в котором героиня сопоставлялась бы с другими женщинами. Она дается А. И. Левитовым исключительно на «мужском» фоне (мужик, юноши, отроки, мальчик).

Финалом очерка становится разговор Маслихи на рынке с ребенком бывшего «кутейничка», который вырос, и теперь настала очередь его сына пройти все испытания:

Ну и слава Богу! слава в вышних Богу!.. — заканчивала Маслиха, крестясь большим крестом светлому жарко палившему небу, под которым происходило ее знакомство с ребенком, с сего часа отныне и навсегда взятым ею под свою вдовью защиту... [Там же, с. 314].

Это финальные строки очерка. Итак, героиня А. И. Левитова — это в первую очередь праведница, хранительница народных песенных традиций, своеобразная «спорительница хлебов». В ее изображение писатель вносит элемент предания, апокрифа. Маслиха — человек, каких в современности не стало. Идиллический хронотоп предопределяет тональность очерка — умилительно-восторженную, апологетическую.

Рассказ Ф. М. Решетникова «Тетушка Опарина» опубликован в 1868 г. в «Современном обозрении». Журнал этот просуществовал совсем недолго: вышло всего шесть выпусков. История издания оказалась слишком кратковременной, недостаточной для того, чтобы объективно судить о направлении журнала. «Тетушка Опарина» вошла в третий выпуск журнала. Очевидно, что и редакцию «Современника», и «Современного обозрения» привлекал отчетливый региональный колорит произведений Ф. М. Решетникова. Следует согласиться с тем, что «именно с 1860-х гг. отечественная литература обретает национально-региональную идентичность, пристраивается ее конкретно-географическая предметность» [Созина, с. 188]. Произведение Ф. М. Решетникова написано в его излюбленном жанре, сочетающем очерковое начало с художественным. Уральский писатель на протяжении всего творческого пути составляет галерею из литературных портретов различных типов уральцев. Был в центре внимания автора и женский уральский типаж [см.: Каменецкая; Королева].

Как и очерк А. И. Левитова, рассказ Решетникова написан в форме повествования от первого лица. Персонафицированный рассказчик, в отличие от первого произведения, являет собой фигуру «постороннего», временно вписанного в тот же хронотоп уральского села, что и его героиня. Продуктивность такого положения связана с тем, что видение рассказчика не клишировано, лишено предвзятости. Он оказывается одновременно «своим» и «чужим» в мире уральского села, расположенного в двадцати верстах от города, условно обозначенного буквой «Т». Кроме того, маска «постороннего» позволяет рассказчику Ф. М. Решетникову сблизиться с читателем: они знакомятся с героиней как бы синхронно. Ведущий повествование намеренно лишен автором избытка видения.

Ситуация знакомства фабульно мотивирована болезнью рассказчика и обращением к местной лекарке, которая и есть тетушка Опарина. Как и Маслиха, тетушка одинока, хотя в услужении у нее есть девочка, племянница, которую она при необходимости может и побить. Рассказчик знакомит читателя с героиней традиционно: сначала передается общее мнение о ней, потом дается портрет: «Несмотря на строгий взгляд серых глаз, в выражении лица было что-то такое, что сразу привлекает и долго остается в памяти» [Решетников, с. 165]. Далее следует косвенная характеристика героини, связанная с описанием скудной обстановки дома Опариной. Это традиционный прием для Ф. М. Решетникова, который можно найти в большинстве его произведений.

Характер героини раскрывается в серии эпизодов, связанных с разными людьми, которые приходят в дом Опариной со своими болями и проблемами. Тетушка предстает как предприимчивая женщина, которая блюдет интересы не только свои, но и своих сельчан. Она может купить овес, народными средствами излечить болезнь. Нельзя сказать, что тетушка отличается особой интеллигентностью. Она много ругается, но справедлива. Свое место в селе она осознает и говорит о нем так: «Всем надо угодить да помочь чем-нибудь, а ведь я тоже не богачка какая, золота ни одного разу не видывала <...> Меня и в городе все знают, потому у меня там торговля есть, хоть и корыстная, а все ж не воровски торгую, слава те господи...» [Там же, с. 172].

Еще одна ипостась героини раскрывается в другом разговоре Опариной: «...я теперь повитуха; окромя меня, никто этим делом не занимается» [Там же, с. 173]. Это важная сторона деятельности героини позволяет ей расположить к себе рожениц села.

Возникает в рассказе и своя загадка: рассказчик находит в избе деловые тетради Опариной, а также видит палочки и крестики на стене. «Несколько палочек и крестиков были уже зачеркнуты. Я вывел то заключение, что Опарина грамоте не умеет и здесь, вероятно, что-нибудь на память записывает» [Там же, с. 176]. Одна из современных российских бед — коррупция — имеет давнюю историю. Опарина понимает, что для самой минимальной торговли в городе нужно подмазывать нужных людей. Отступление от этого правила приводит ее к коммерческой неудаче, и вывод напрашивается у сельской предпринимательницы сам собой: «Ну, значит, надо всегда давать...» [Там же, с. 184]. Отметим

здесь одну из особенностей стилиевой манеры Ф. М. Решетникова — речевой натурализм. Писатель достаточно часто передает речь героя как бы неправленную, как бы лишенную какой-либо авторской обработки. В данном случае это форма огласовки привычного слова *всегда*.

Обращение к героине по имени и отчеству — знак особого уважения и расположения к ней. Только один раз оно прозвучит в рассказе: «Дома тетушка-то, Степанида Онисимовна?» [Решетников, с. 169]. Здесь даются одновременно две номинации: «тетушка» и по имени и отчеству. Но это тот случай, когда мужику нужна помощь тетушки. За глаза ее именуют так же, как и героиню очерка А. И. Левитова, т. е. прозвищем, образованным от фамилии. В первом случае Маслиха, во втором — Опариха.

В рассказ вписана большая исповедь героини. В ней автор дает абрис всей жизни уральской женщины. Акцент сделан на том, как из обычной сельской девчонки выросла предпринимательница. Подчеркивается природная склонность молодой Опарихой к торговым операциям. Первоначально они проходили в форме игры. С подружкой она играет в товарообмен:

Мать уедет, я отделаюсь дома и бегу к подруге, или подруга ко мне прибежит, и говорю: давай меняться! Та тоже: ну, давай. А менять-то было што? бусы, суперики (перстень. — *Прим. Ф. М. Решетникова*), платок... да мало ли што?.. Ну, потом и говорю: сколь придачи? Так и менялись!.. А все эти придачи и другие слова я от матери переняла [Там же, с. 192].

Про замужество Опарина говорит коротко и даже его связывает с процессом торговли: «...муж смирный, олух; только когда пьян, тогда и боек, тогда и драться лезет... Так я и промаялась восемь годочков, и эти года я была совсем пустяшный человек, потому что ровно ничего для себя не сделала; даже торговлей заниматься не могла — нечем было торговать-то». Самореализация тетушки начинается после смерти мужа: «Ну, а как помер муж-то, я словно воскресла» [Там же, с. 193].

Все последующее повествование героини посвящено истории первоначального накопления ею капитала и росту оборота торговых операций. Самое важное здесь то, что Опарина ведет дела исключительно с мужиками. Это закаляет ее характер. Тетушка поневоле становится похожа на тех, кого принято ныне называть «мужик в юбке». При этом Опарина ни на минуту не теряет осознания своей причастности к женскому миру. Своих торговых партнеров она воспринимает подчас как неких взрослых детей: «Когда нужда, он и божится и плачет, што, вот как только поправится, со сторицею возвратит. А когда станешь просить свое, он же и обижается». В итоге в устах героини рождается формула, до сего дня сохраняющая свою актуальность: «Да, судырь ты мой, много возни нужно с нашими мужиками!» [Там же, с. 194].

Вместе с тем Опарина не радикальна по отношению к мужчинам, она не является мужененавистницей. Условия жизни и общества ставят замужнюю женщину выше незамужней девушки, поэтому своей племяннице тетушка не желает женского одиночества:

Да и какое житье девке одной? С кем она посоветуется? И опять: разве возможно устоять девке от соблазнов? А баба не то: куды не приди, везде всем равна; никто тебя пальцем не ткнет, и веры тебе больше. Тоже и вдова... и вдова тоже баба, потому замужем была... [Решетников, с. 196].

Таким образом, Опарина помещается на проницаемую границу мужского и женского миров: она вхожа в оба, тогда как бабушка Маслиха из очерка А. И. Левитова, несмотря на контакты с мужчинами, все-таки всегда причастна только миру женщин. Общение с мужской частью общества существенно не влияет на нее.

В облике бабушки Маслихи из очерка А. И. Левитова нет расхождения внешнего с внутренним. Образ тетушки Опариной у Решетникова, наоборот, строится на расхождении внешне грубого, простоватого с внутренней добротой, сочувствием к окружающим. На вопрос рассказчика о том, сердится ли она на односельчанку за то, что та не терпит тетушку и оговаривает ее, Опарина отвечает: «Сколь сердита, столь и милостива. Ты думаешь, я без сочувствия?» [Там же, с. 187].

Есть и еще одно важное отличие тетушки Опариной от бабушки Маслихи. Оно заключается в самосознании героинь. Маслиха не чувствует себя представительницей женщин степного края. Она во всех ситуациях выступает только от имени своего «я». Тетушка Опарина, живущая в условиях пригородного уральского села, в значительно большей степени социализирована. Она осознает себя не только сама по себе женщиной, но еще и представительницей и адвокатом всего бабьего рода. Это проявляется в чувстве ответственности за то, что происходит рядом с ней. Так, узнав об избиении женщины мужем, она прямо и жестко выражает свою позицию:

Я рассказал вчерашнюю сцену. — Ну, этому не бывать!.. Вот еще новость!! Какое они такое право взяли баб стегать? — Да тебе-то тут што? — Разе мне не обида? Разе это не обида всем бабам, коли над ними мужики будут командовать так и издеваться? [Там же].

Очевидно, что «адвокатские» устремления тетушки Опариной не пропадают втуне. К ней тянутся некоторые односельчане, создавая некое подобие женского клуба:

Вечером на поляне, перед домом Опариной, сидело несколько женщин; сидели они в различных позах полукругом, с работами, а у завалинки дома Опариной сидели девочки с грудными ребятами, заменяя своими особами нянек, около них же терлось штук шесть детей-малолеток. <...> Женщины разговаривали, но не шумели по обыкновению, а вели себя чинно, вероятно, потому, что тут ораторствовала Опарина [Там же].

Если взглянуть на образ тетушки Опариной из далекого будущего, то есть основания назвать героиню Ф. М. Решетникова «протофеминисткой»: она последовательно защищает права и достоинство женщин. Показательно, что рассказчик, хотя и оказался в доме Опариной, наблюдает за женским сходом

со стороны, как невольный свидетель. Он слышит и передает не весь разговор схода, а только то, что долетает до его слуха: «Вдруг они заголосили все, но я не мог понять смысла этого митинга, только слышал: “Врут они всё! этому не должно и быть! на то разе мы дались им?”» [Решетников, с. 189]. У сельских мужиков свой «клуб», его собрания проходят в волостном правлении, но чаще в кабаке. Сцена в волостном правлении начинается с того, что старшина еще при входе начинает «тузить одного крестьянина, стоявшего ближе всех к входу». Когда же оказывается, что старшина ошибочно принял Кузьму за Ваську, он просит у мужика прощения и кланяется ему. Это как бы «запев» к картине судопроизводства на российской периферии.

Сцена суда в волостном правлении — заключительная и самая колоритная в рассказе. На мужицком сходе решается вопрос: «стегать» или «не стегать» Дарью Яковлеву за кражу денег. При этом самосуд уже состоялся, и муж в кровь избил свою жену. Когда же старшина обращается с вопросом о решении к мужикам, то получает ответ: «Мы ништо... Нам што, — проговорили тупо крестьяне» [Там же, с. 201]. Если среди мужиков нет заступников за Дарью, то среди баб находится только одна — тетушка Опарина, спасающая женщину от унижительного телесного наказания. Но и в этом деле тетушка Опарина оказывается не бескорыстным защитником. Как у всякого настоящего предпринимателя, у нее и в защите чужого человека отыскивается свой интерес. Ей важно удалить Дарью из деревни, потому что та является одной из главных ее деревенских противниц, завистниц и сплетниц. В итоге Дарью пристраивают в питейное заведение в городе.

Подводя итог, можно сказать, что Ф. М. Решетников создает гораздо более сложный, чем А. И. Левитов, образ женщины-воительницы, сельской торговки, которая борется с обстоятельствами неблагоприятной жизни, пытается сохранить в трудных условиях баланс христианских этических установок с соблюдением хотя бы небольшой выгоды, позволяющей ей в одиночку выживать в brutальном мужском мире. Количество использованных «красок» и «полутонов» в рассказе Ф. М. Решетникова явно больше, чем у А. И. Левитова. Изощреннее оказывается уральский писатель и в создании нарративной структуры произведения.

Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. [Bahtin M. M. Voprosy literatury i jestetiki. M., 1975.]

Кабакова Г. И. Антропология женского тела в славянской традиции. М., 2001. [Kabakova G. I. Antropologija zhenskogo tela v slavyanskoj tradicii. M., 2001.]

Каменецкая Т. Я. Текстологическое изучение творчества Ф. М. Решетникова в музейном пространстве: роль гендерного фактора в отражении действительности второй половины XIX в. // Литература Урала: история и современность : сб. ст. Вып. 7 : Литература и история — грани единого (к проблеме междисциплинарных связей). Т. 2. Екатеринбург, 2013. С. 42–51. [Kameneckaja T. Ja. Tekstologicheskoe izuchenie tvorchestva F. M. Reshetnikova v muzejnom prostranstve: rol' gendernogo faktora v otrazhenii dejstvitel'nosti vtoroj poloviny XIX v. // Literatura Urals: istorija i sovremennost' : sb. st. Вып. 7 : Literatura i istorija — grani edinogo (k probleme mezhdisciplinarnyh svjazej). Т. 2. Ekaterinburg, 2013. S. 42–51.]

Королева В. Б. Женские образы в творчестве Ф. М. Решетникова // Литература конца XX – начала XXI века в межкультурной коммуникации. XVIII Пуришевские чтения. М., 2006. С. 62–63. [Koroleva V. B. Zhenskie obrazy v tvorchestve F. M. Reshetnikova // Literatura konca XX – nachala XXI veka v mezhkul'turnoj kommunikacii. XVIII Purishevskie chtenija. M., 2006. S. 62–63.]

Левитов А. И. Избранное. М., 1980. С. 301–314. [Levitov A. I. Izbrannoe. M., 1980. S. 301–314.]

Пензина О. В. Женская проза второй половины XIX века: гендерный аспект авторства : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. [Penzina O. V. Zhenskaja proza vtoroj poloviny XIX veka: gendernyj aspekt avtorstva : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 2009.]

Решетников Ф. М. Добрые люди: Очерки и рассказы / подготовка текста, статья и коммент. И. А. Дергачева. Свердловск, 1986. С. 161–207. [Reshetnikov F. M. Dobrye ljudi: Oчерki i rasskazy / podgotovka teksta, stat'ja i komment. I. A. Dergacheva. Sverdlovsk, 1986. S. 161–207.]

Созина Е. К. Романский жанр в творчестве Ф. М. Решетникова // Эволюция жанров в литературе Урала XVII–XX вв. в контексте общероссийских процессов. Екатеринбург, 2010. С. 182–227. [Sozina E. K. Romannij zhanr v tvorchestve F. M. Reshetnikova // Jevoljucija zhanrov v literature Urala XVII–XX vv. v kontekste obshherossijskih processov. Ekaterinburg, 2010. S. 182–227.]

Страхов Н. Н. Женский вопрос [Электронный ресурс] // Заря. 1870. № 1–2. URL: <http://minervium.com/philosophy/Strahov-Zhenskij-vopros.html> (дата обращения: 26.11.2014). [Strahov N. N. Zhenskij vopros [Electronic resource] // Zarja. 1870. № 1–2. URL: <http://minervium.com/philosophy/Strahov-Zhenskij-vopros.html> (accessed: 26.11.2014).]

Статья поступила в редакцию 28.12.2014 г.